

И. С. Чистова

ПУШКИН И ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ ГУСАРЫ

*(О стихотворениях «Нозль на лейб-гусарский полк»
и «Молитва лейб-гусарских офицеров»)*

В наших представлениях о Лицее пушкинской поры мы на первое место безусловно выдвигаем тот дух творчества, дух созидания, который формировал ум и питал душу его воспитанников. «Первый курс лицеистов представлял собой микросоциум, в котором деятельно творилась своя коллективная культура, активно сочетавшая игровое и серьезное, — читаем в новейшем исследовании. — Пылкость, с которой лицеисты предавались всякого рода творчеству, была вписана в атмосферу постоянно-го взаимного высмеивания, вышучивания и пародирования»¹.

На этом построены, в частности, явившиеся результатом совместного авторства лицейские «Национальные песни» — куплеты эпиграмматического характера, из которых складывалась серия юмористических портретов воспитанников и преподавателей Лицея.

Среди пушкинских лицейских эпиграмм две определенно связаны генетически с «Национальными песнями». Одна из них адресована Кюхельбекеру («Вот Виля — он любовью дышит»), другая — учителю рисования С. Г. Чирикову («Вот карапузик наш, монах...»). Такие стихи предназначались не для печати, но для весьма узкого круга лиц, которым только и понятны были заключенные в тексте бытовые реалии и смысл их юмористического обыгрывания. Перед нами, таким образом, типичные образцы сугубо локальной, домашней поэзии, рассчитанной исключительно на своего читателя; своим его делала в данном случае принадлежность к лицейской среде.

В настоящей работе мы хотим обратить внимание на ряд других примеров домашней поэзии лицейского периода, но с Лицеем не связанной, и последующих за ним двух лет. Речь пойдет о стихах, погружающих нас в гусарскую бытовую среду, с которой Пушкин особенно сблизился в свой последний лицейский год. «Говоря о кружках, оставивших влияние на Пушкина, нельзя не упомянуть об офицерах лейб-гусарского полка, стоявшего в Царском Селе, — писал В. П. Гаевский. — Лицеисты встречались с ними в семейных домах и особенно в манеже»².

Тексты, которые предполагается рассмотреть ниже, по существу не привлекали внимания пушкинистов; совершенно очевидно, что они требуют обстоятельного и текстологического, и историко-литературного, и реально-бытового комментария. Весь этот круг вопросов и составляет предмет предлагаемого исследования.

1

В первом томе академического издания «Полного собрания сочинений» Пушкина под заглавием «Нозль на лейб-гусарский полк» публикуется следующий фрагментарный и потому неясный в смысловом отношении текст:

В конюшнях Левашова
 Рождается Христос.
 Звезда сияет снова,
 Всё с шумом понеслось.

 Иосиф отпер ворота:
 «...потише, господа,
 Ведь вы здесь не в харчевне».
 Христос спросил косого:
 «.....»

 «Из Голубцовых я!»
 ...вскричал Спаситель удивленный:
 «...его обнять готов,
 Он мне сказал: «я из глупцов»,
 Вот малый откровенный».

 Изрек хлыстом махая
 Полковник филантроп.

 Я славной Пукаловой друг
 ... — хоть тысячи услуг.

 Вдруг сабля застучала,
 Сияет аксельбант,
 Лихого генерала
 Вбегает адъютант.
 «... — мой генерал доволен,
 Что, здесь ... Христос живет?
 ... а сам он не придет,
 От дев немного болен»³.

Напомним историю появления этих стихов. В 1929 г. М. А. Цявловский обнаружил в бумагах П. И. Бартенева сделанный рукой Бартенева список с неизвестного ранее пушкинского поэтического текста⁴. Он не имел заглавия, но по содержанию мог быть определен как часть того самого

«Ноэля на лейб-гусарский полк», о котором упомянул Каверин в записи, предпосланной сделанной им копии известного пушкинского послания «Забудь, любезный мой Каверин...» Запись эта звучит так: «Пушкин в Ноэ! на лейб-гусарский полк не прочтя мне поместил и на мой шет порядочный куплет, и чтоб извиниться прислал через несколько дней следующее послание; — оригинал у меня»⁵.

Позднее был найден еще один отрывок того же стихотворения — сделанная рукою сотрудника «Русского архива» К. А. Бутенева запись тринадцати стихов, из которых шесть совпадали с уже известными по списку Бартенева⁶.

Обнаруженные поэтические наброски, по отзывам современников, принадлежащие Пушкину, Цявловский особым образом скомпоновал и опубликовал как одно стихотворение.

Текст, публикуемый Цявловским в семнадцатитомном академическом издании, был им реконструирован по форме ноэля: строфа из восьми стихов; первые четыре стиха шестисложные, следующий — двенадцати сложный, шестой и седьмой — восьмисложные, последний стих — шестисложный. Историко-литературный и реальный комментарий здесь отсутствует; очень скупо, без каких-либо ссылок, «Ноэль...» был прокомментирован Цявловским в ранее подготовленном им издании «Academia»: Левашов В. В. — командир гвардейского гусарского полка, Иосиф, отец Христа, — намек на Иосифа Ивановича Юшкова, адъютант — В. Д. Олсуфьев, полковник-филантроп — Д. И. Крекшин, обучавший лицеистов верховой езде; Пукалова — любовница Аракчеева⁷.

Предлагаемый комментатором список имен никоим образом не прояснял смысла стихотворения. Реконструкцию его творческой истории естественно было бы начать с обращения к источникам текста. В случае с «Ноэлем...» эта работа была крайне затруднена тем, что в связи, во-первых, с переформированием архивных коллекций, содержащихся в хранилищах Москвы и Ленинграда, и, во-вторых, с не всегда оправданным рассредоточением по разным учреждениям обеих столиц собрания документов, принадлежавших Цявловским, след копий, которыми располагал Мстислав Александрович, затерялся.

Нам удалось их обнаружить после длительных и порою казавшихся безнадежными поисков⁸; знакомство с вновь найденными источниками текста «Ноэля...» убедило, что затраченные усилия не были напрасными.

Располагая этими материалами — они, как оказалось, не в полной мере были экспонированы Цявловским, — можно было решать главную задачу — установление текста «Ноэля...» — путем сопоставления копий Бартенева и Бутенева, конструкции Цявловского, а также результатов разысканий в области царскосельской биографии Пушкина 1815—1817 гг. и историко-бытовых реалий этого времени.

Запись Бартенева сделана на листе почтовой бумаги без водяных знаков с отчетливым фабричным клеймом (под короной «ВАТН»). В тексте — 21 стих (после 4-го стиха следует многоточие, обозначающее пропуск); в

стихи 18-й и 19-й внесена правка: по-видимому, Бартенева записывал стихи со слов человека, нетвердо помнившего текст.

Приводим текст Бартенева:

В конюшнях Левашова
 Рождается Христос
 Звезда сияет снова
 Все с шумом понеслось

 Иосиф отпер ворота
 Потеше, господа
 Ведь вы здесь не в харчевне
 Вдруг сабля застучала
 Сияет аксельбант
 Лихого генерала
 Вбегают адъютант
 Мой генерал доволен
 А сам он не придет
 От дев немного болен
 Конечно Иисус
 К нам вступит в полк
 Изрек хлыстом махая полковник филантроп
 Я славной Пукаловой друг
 И рад вам оказать
 Хоть тысячи услуг⁹

На левом поле в скобках записаны имена лиц, выведенных в стихотворении: «Осип Ив<анович> Юшков, лейб-гус<ар>, полковник, к<оторый> зан<имался> ваянием, [нрзб.]; Вас<илий> Дмитр<иевич> Олсуфьев; Вас<илий> Вас<ильевич> Левашов, команд<ир> лейб-гусар<ского> полка, Крекшин». Эти комментарии не были опубликованы Цявловским.

Запись Бутенева включена в его письмо Бартенева (оно не приводится Цявловским), поясняющее происхождение и содержание посылаемого адресату текста: «Сообщаемые мною на обороте стихи, по словам Василия Васильевича Ильина, принадлежат Пушкину. Они составляли, вероятно, начало шуточного стихотворения, написанного, очевидно, в Царско-сельский период жизни Пушкина, когда он был знаком с офицерами лейб-гусарского полка. Левашов был командиром полка, а Голубцов служил в нем офицером. Сам Василий Васильевич поступил в лейб-гусарский полк юнкером в 1817 году и служил в нем, кажется, до 1828 года»¹⁰.

Текст, записанный Бутеневым, звучит следующим образом:

В конюшнях Левашова
 Рождается Христос.
 Христос спросил косоного:
 «Ты из какой семьи?
 Из Голубцовых я!»
 Его обнять готов,
 Вскричал Спаситель удивленный:
 «Он мне сказал: «Я из глупцов»;
 Вот прямо малый откровенный!»

Вдруг сабля зазвучала
Сияет аксельбант
Лихого генерала
Вбегает адъютант!

Обе записи сделаны через много лет после того, как стихотворение было написано; лица, сообщившие запомнившиеся им стихотворные отрывки, естественно, могли передать лишь нечто очень далекое от подлинника. По сохранившимся фрагментам кажется невозможным восстановить пушкинские строки; М. А. Цявловский между тем предпринял такую попытку, результатом которой и явился приведенный выше текст «Ноэля...». Цявловский восстановил текст стихотворения, разместив содержащиеся в копиях стихи в указываемые строфой ноэля размеры. Для того чтобы устранить разного рода помехи (несоответствие отдельных стихов необходимым размерам, невозможные для Пушкина рифмы, и т.д.), Цявловскому пришлось пожертвовать стихами 16-м и 17-м:

Конечно Иисус
К нам вступит в полк

и стихом 20-м:

И рад вам оказать¹¹.

Копия Бутенева предлагает столь же испорченный текст, что и бартевская. Такое очевидное искажение текста обеих копий, видимо, послужило Цявловскому основанием для достаточно свободного обращения со словесной тканью сохранившихся фрагментов. Исследователь нашел возможным и отказаться от отдельных мешающих ему стихов, и ввести совсем новые: строки «Что, здесь... Христос живет?» нет ни в одной из записей. Стихи внутри строфы Цявловский компоновал произвольно; произвольной была и последовательность строф (кроме первой, разумеется). Работа над установлением текста, таким образом, определялась наибольшим приближением исходного материала, представлявшего собой бесформенные отрывки, к стиховому рисунку строфы, характерной для ноэля. Между тем рассмотрение дошедших до нас фрагментов «Ноэля...» в контексте биографических и историко-бытовых реалий убеждает в том, что остроумное и имеющее весьма существенные резоны решение Цявловского относительно основного принципа реконструкции текста не представляется бесспорным.

Что оказывается главным в установлении текста «Ноэля...»? Мы полагаем, что неукоснительное соблюдение известного и важнейшего принципа: работа над реконструкцией текста должна идти параллельно с разысканиями в области тех реалий, из которых складывался повседневный быт, конкретная, подлинная действительность, явившаяся творчески преобра-

женной в комментируемом произведении. Сохранившийся текст «Нозеля...» почти ничего не дает для того, чтобы представить себе содержание отдельных его строф, посвященных, в соответствии с традицией жанра, ряду лиц (это шаржированные, сатирические портреты), представлявших Марию и младенцу-Христу. Ясно лишь, что речь шла о царскосельских гвардейских гусарах. Только третья строфа, представляющая полковника-филантропа, пожалуй, обещала некоторый успех в ее расшифровке, поскольку мы располагали уже двумя конкретными именами — Крекшина (в соответствии с комментарием Бартенева) и Пукаловой.

В куплете, относящемся к Крекшину, Цявловский сохранил четыре строки из известных семи (или шести у Бартенева, соединившего 17-й и 18-й стихи в один); эти четыре строки разведены строками многоточий, обозначающих лакуны.

Изрек, хлыстом махая,
Полковник-филантроп.

.....
Я славной Пукаловой друг
... — хоть тысячи услуг.

Чтобы понять смысл куплета, следовало определить, каким образом реально связаны друг с другом и вообще связаны ли имена Крекшина и известной Варвары Петровны Пукаловой, экстравагантной любовницы Аракчеева; если бы такая связь обнаружилась, то она дала бы основания предположить, что именно какой-то конкретный сюжет о Крекшине и Пукаловой лег в основу третьей строфы.

И вот среди эпистолярия, относящегося к первой четверти XIX в., нашлось любопытное письмо А. Я. Булгакова брату от 13 (25) июня 1819 г., отправленное из Карлсбада, в котором он сообщал ему о тамошнем «водяном» обществе; в числе особенно примечательных фигур Булгаков называет «Пукалову с каким-то молодым полковником»¹². Проследить путь молодого полковника Крекшина не составило никакого труда. Оказалось, что в тот же самый день, когда Пукалова выехала из Петербурга (об этом сообщали «С.-Петербургские ведомости», 1819, № 6), лейб-гвардии полковник Крекшин «уволился в отпуск за границу до излечения болезни» (эти сведения поместил в отделе хроники «Русский инвалид», 1819, № 17).

Таким образом проявились главные герои сюжета, положенного в основу третьей строфы. Сатирический же смысл куплета, посвященного Крекшину, вероятнее всего представить следующим образом.

В. П. Пукалова, хорошенькая жена обер-прокурора Синода Ивана Антоновича Пукалова и любовница Аракчеева, была известна тем, что, пользуясь своим влиянием на обладавшего безграничной властью временщика, оказывала протекцию угодным ей людям: «...Имел он <Аракчеев. — И. Ч.>... фаворитку из высшего класса... Варвару Петровну Пукалову, миловидную, умную и образованную женщину, которая, пользуясь своей властью над дикобразом, была посредницею между им и просителями»¹³.

Очевидно, Д. И. Крекшин, пользуясь в свою очередь близостью к влиятельной особе и с целью подчеркнуть эту близость, широко обещал всем окружающим его помощь и покровительство.

Теперь, если мы попробуем прочитать третью строфу в контексте приведенных выше историко-бытовых реалий, то для полной ее расшифровки нам явно будет недоставать именно тех строк, которые для удобства построения стиховой строфы ноэля отбросил М. А. Цявловский: «Конечно, Иисус К нам вступит в полк» и «И рад вам оказать». Прочитаем текст этой строфы так, как он сохранился в записи Бартенева:

Конечно, Иисус
К нам вступит в полк
Изрек хлыстом махая полковник-филантроп.
Я славной Пукаловой друг
И рад вам оказать
Хоть тысячи услуг.

Итак, в третьей строфе речь идет о том, что полковник-филантроп обещает оказать Марии «хоть тысячи услуг», в том числе и помочь Иисусу вступить в гвардейский Гусарский полк.

Великосветская молва о романе близкой двору Пукаловой и бравого полковника-гвардейца, толки, где, как обычно, причудливо переплетались реальные факты и сплетня, конечно же, достигли ушей лицеистов и однопольчан Крекшина — иначе и быть не могло; разумеется, они знали об этой истории и, видимо, широко обсуждали события. Обстоятельный рассказ об этой нащумевшей в свете романтической истории отыскался в мемуарах Д. И. Никифорова «Москва в царствование императора Александра II»: «Рядом с домом деда был дом вдовы генерал-майора Варвары Петровны Крекшиной, по первому мужу Пукаловой, рожденной Мордвиновой. Мать этой Крекшиной была простая калмычка Оренбургских степей. Впоследствии Мордвинов, женившись на ней, узаконил дочь и выдал ее замуж за Пукалова, правителя дел Святейшего Синода и любимца всемогущего в то время графа Аракчеева <...> Варвара Петровна Крекшина (тогда еще Пукалова) играла большую роль в царствование императора Александра I по близким отношениям своим с знаменитым в то время Аракчеевым. Я помню один ее рассказ. По окончании каждого смотра или развода Аракчеев заезжал к ней. Как балованная барыня она лежала до 12 часов в постели. Генералы, приезжавшие к ней, ждали ее выхода в приемной зале, а главное, им хотелось показаться Аракчееву, когда он проходил в будуар к своей красавице и уходил обратно от нее. В один из дней посещения ее Аракчеевым, она заспорила в чем-то с ним и держала пари à discrétion¹⁴. Аракчеев проиграл. Что же сделала проказница? Она потребовала, чтобы Аракчеев вывез ее в одной батистовой рубашке на своих плечах в залу собравшемуся генералитету и верхом на плечах все-сильного временщика объехала в таком виде зал. Аракчеев был так ею очарован, что исполнял ее прихоти. Муж ее, Пукалов, был правителем дел у Аракчеева, не мешал своей жене и тем устраивал свою карьеру. Но

своенравная красавица влюбилась в молодого гусара Крекшина, и хотя он посещал ее весьма скрытно, но Аракчеев узнал про их свидания. Говорят даже, что он был предупрежден покойным государем Александром I. Пукалова жила на даче. Ночью дача была окружена многочисленными секретами. Когда Крекшин шел к ней ночной порой, то был схвачен караульными и отведен на гауптвахту. Наутро Крекшина везли уже на курьерской тройке с жандармом как переведенного в армейский полк. Пукалова в тот же день поскакала на место ссылки Крекшина к нему и впоследствии по смерти первого мужа вышла за него замуж¹⁵.

Приведенный текст любопытен не только в качестве забавного исторического анекдота. Для комментатора значение экспонируемого мемуарного источника прежде всего в том, что он указывает на объект сатиры в «Ноэле...», и то обстоятельство, что объект этот — придворные нравы, позволяет увидеть определенную политическую направленность третьей строфы, написанной, таким образом, в соответствии с жанровыми требованиями ноэля; раскрыть же смысл третьей строфы оказалось возможным, лишь учитывая все без исключения фрагменты текста. Возвращаясь к оценке принятого М. А. Цявловским текстологического решения, заметим, что оно не вполне корректно: дефект предложенной компоновки третьей строфы обнаружился со всей очевидностью, как только мы соотнесли сохранившийся текст с соответствующим историко-бытовым материалом; опущенные исследователем стихи 16-й и 17-й («Конечно Иисус К нам вступит в полк» и стих 20-й — «И рад вам оказать») оказались весьма существенными для понимания смысла строфы¹⁶.

Что же представляли собой остальные строфы «Ноэля...»? Насколько позволяют судить сохранившиеся строки, это были забавные «куплеты» «на счет» гвардейских гусар, дружеские стихотворные шутки, где с добродушной иронией выставлялись какие-то смешные черты внешности, характера либо поведения героев; обыгрывались их имена. Исключение составляли лишь достаточно ядовитые стихи, обращенные к генералу В. В. Левашову, которого в полку не любили¹⁷. Но даже весьма злая насмешка, адресованная высокому военному чину, командиру полка, не сообщала куплету, ему посвященному, той общественной значимости и политической остроты, которые позволили бы увидеть в нем проявление жанровой специфики ноэля. Строфы же, посвященные полковнику И. И. Юшкову, поручикам П. И. Голубцову и П. П. Каверину (по вышеупомянутому свидетельству Каверина, такая строфа, содержащая обидный намек на пристрастие его к Бахусу, существовала), по объекту и качеству сатирического изображения не выходили за пределы домашней эпиграмматической поэзии, процветавшей в Лицее. На примере «гусарского ноэля» хорошо видно, как реализовывалось стремление его автора к освоению новых поэтических форм — в том числе форм, весьма сложных в стиховом отношении. «Ноэль на лейб-гусарский полк» вырос из создававшейся часто вслух, экспромтом домашней поэзии, «приютив» тот воспроизводивший бытовую реальность жизненный материал, который

и составлял содержание домашних стихов. Это не было случайностью; Пушкин учитывал жанровые особенности ноэля: с одной стороны, законное, соответствующее сатирической природе жанра использование характерного для домашней поэзии не отделанного в эстетическом отношении живого слова, и с другой — обусловленную сложным ритмическим рисунком строфы возможность имитации устной речи.

Вряд ли Пушкин относился серьезно к «Ноэлю...»; это была, вероятнее всего, импровизация, стихи, написанные в минуту досуга, для развлечения в рождественский вечер, в веселой компании друзей-гусар — может быть, даже и не без некоторого участия последних¹⁸. Можно предполагать, что «Ноэль на лейб-гусарский полк» не единственный пример поэзии такого рода; какие-то тексты, возможно, не дошли до нас. Но, по крайней мере, еще одно стихотворение этого типа нам хорошо известно.

3

Вернемся к бартеневскому списку пушкинского ноэля. Еще раз отметим, что биограф поэта сделал свою запись скорее всего в начале 1850-х годов со слов человека, по всей вероятности, принадлежавшего к военной, гусарской среде. Тогда же и, видимо, от того же лица Бартенев услышал еще один весьма любопытный рассказ, который закрепил письменно (судя по тексту, записывал торопясь, сокращая слова), взяв для этого точно такие же два листка почтовой бумаги с характерным клеймом (корона и под ней «ВАТН»), какие были им использованы для записи текста ноэля. Эти листки Бартенев вложил, так же как и копию «Ноэля...», в свою пушкинскую тетрадь, обозначив тем самым их несомненное отношение к пушкинским текстам. Приводим эту запись Бартенева, прежде никогда не публиковавшуюся.

1817

Александр Вас<ильевич> Попов — сын статс-секретаря, в лейб-гусар<ах> ротмистр.

Слатвинс<кий> — полковник лейб-гус<ар>, потом команд<овал> конно-егерс<ким> в польск<ую> камп<анию>.

Зубов — до сих пор при дворе, красав<ец> выс<окого> роста.

Дмитр<ий> Вас<ильевич> Ильин, поручик, отлич<ался> нечистоплотн<остью>; Милорадович сказал Левашову про него: Отрежьте Ильина от усов.

Василий Михайл<ович> — поручик, рябой, толстый.

Любомирский — поляк.

Три брата Гроты, Лифлянд<ские> богат<ые> помещики.

Ховрин, Пензен<ский> помещик, славился глупостью.

Два полковника Оффенберга,

Фриц — меньшей, суетливый.

Унг<ерн>-Штернб<ерг>, командов<ал> эрц<герцога> Фердинанда полком и сошел с ума.

Яков Васильев<ич> Сабуров, тогда корнет. Пушкин у него часто бывал. От Гернгросса чем-то воняло.

Пашковы — долгоносы.

Кн<язь> Салтыков, к<оторый> путеш<ествовал> в Индию, скромный¹⁹.

К<нязь> Бяратинский — заика, воспит<ывался> у иезуитов. 14 дек<аб-ря>²⁰ сослан в Сибирь, bougre²¹.

Молоствов.

Микешин — квартирмистр.

Соломир<ский>²² — жен<ат> на дочер<и> Конст<антина> Як<овлеви-ча> Булгакова.

Соломирские — побочные дети [в] Вене посла Татищева от вдовы Турчаниновой.

Составляющий содержание приведенного текста перечень имен с лаконичными характеристиками персонажей позволяет определить его как комментарий к известной «Молитве лейб-гусарских офицеров»²³:

Избави Господи ума такого,
 Как у Александра Васильевича Попова,
 Слатвинского скромности,
 Зубова томности,
 Ильина чистоты,
 Тютчева красоты,
 Любомирского чванства,
 Каверина пьянства,
 Гротовой скупости,
 Хов-на глупости,
 Суетливости Оффенберга,
 Рассудительности Унгерн-Штернберга,
 Чаадаева гордости,
 Юш-ва подлости
 Креншина службы,
 Сабурова дружбы,
 Завадовского щедрости,
 Гернгр-вой мерзости,
 Кнабенау усов,
 Пашковских носов,
 Салтыкова дикости,
 Саломирского лихости,
 Слепцова смиренья,
 Кругликова пенья,
 Бяратинского спросов,
 Рахманова вопросов,
 Молостова хвалы
 И Микешина килы²⁴.

«Молитва...» впервые была упомянута в 1858 г. в развернутой рецензии Е. И. Якушкина и А. Н. Афанасьева на подготовленное Анненковым собрание сочинений Пушкина как стихотворение поэта, «наделавшее было

больших хлопот» автору²⁵, а через три года опубликована Гербелем в составе пушкинских текстов (в рубрике «Цельные стихотворения, не вошедшие в последнее собрание «Сочинений Пушкина»») на основании сведений, полученных от Я. И. Сабурова: «Пушкин и его товарищи, в последние два года своего пребывания в Лицее, сошлись весьма близко с обществом офицеров лейб-гусарского полка, квартировавшего, как и ныне, в Царском Селе, и посещали многих из них весьма часто. Помянутая молитва, написанная на дежурстве Завадовского, была поднята Пашковым. Оскорбленный в лице своего *носа*, Пашков вскипел благородным негодованием и грозил побить Пушкина. Завадовский, чтобы избавить Пушкина от неприятности, принял эти стихи на себя — и дело грозило окончиться дуэлью. Это дошло до сведения командира гвардейского корпуса князя Васильчикова, который созвал офицеров для объяснения, с целью — помирить их. Все дело кончилось тем, что на сходке благоразумная партия объявила это делом дружеским, *пустяжным*, а противная, боясь выскаться, промолчала и тем согласилась с первой. (Сообщено Сабуровым)»²⁶. Текст «Молитвы...» с соответствующим примечанием был перепечатан Гаевским в статье «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения», опубликованной в 1863 г. в «Современнике»²⁷, а в 1870 г. «Молитва...» была впервые введена Геннади в Собрание сочинений поэта, после чего публиковалась в ряде последующих изданий сочинений Пушкина (за исключением вышедших под редакцией Л. Н. Майкова и П. О. Морозова) вплоть до 1907 г. (издание Брокгауз-Ефрона под редакцией С. А. Венгерова), где сопровождалась пометой комментировавшего стихотворение Н. О. Лернера: «Приписывается Пушкину»²⁸.

Авторство Пушкина в отношении «Молитвы...» было уже не только подвергнуто сомнению, но решительно отведено спустя несколько лет после выхода в свет венгерского издания в статье Д. Ф. Кобеко на основании, во-первых, отмеченных автором хронологических несоответствий (ряд упомянутых в стихотворении офицеров вступили в полк в 1818—1819 гг., когда Пушкин уже окончил Лицей и покинул Царское Село), и, во-вторых, письма командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова начальнику штаба генерал-адъютанту кн. П. М. Волконскому, содержащего рассказ о связанном с «Молитвой...» скандальном происшествии в полку. О доводах Кобеко нам еще придется говорить, а пока вернемся к первой публикации стихотворения. Судя по примечанию, Гербель получил текст «Молитвы...» непосредственно от Я. И. Сабурова²⁹, либо, что не менее вероятно, от Е. И. Якушкина, которому вся эта история была хорошо известна скорее всего из рассказа того же Сабурова — недаром Е. И. Якушкин при упоминании «Молитвы...»³⁰ отмечает, что она доставила немало хлопот поэту, что соотносится со сведениями на этот счет, опубликованными Гербелем.

Я. И. Сабуров, офицер, чиновник и весьма посредственный литератор, не устал подчеркивать свою близость Пушкину, который действительно не раз упоминал имя Сабурова и в переписке, и в стихах — впрочем,

не слишком лестно. Сабуров «был человек весьма неглупый и образованный, много читал, имел большую библиотеку, был в сношениях и с литературным миром, и с высшими петербургскими сферами. В Петербурге он обыкновенно останавливался у Льва Кирилловича Нарышкина, который был ему хороший приятель. Оба они были легкого пошиба либералы. Вообще у Якова Ивановича все было довольно легко; при несомненном уме, основательности было мало. Голова его представляла сбор самых разнообразных сведений и взглядов, и политических, и экономических, и сельскохозяйственных, которыми он с удивительною самоуверенностью умел пускать пыль в глаза новичкам. Этим он производил эффект в петербургских гостиных; многие его считали замечательно умным человеком. Но в провинциальном кругу его тотчас раскусили и ценили по достоинству <...> приходилось иногда терпеть от его страсти к сплетням <...> Яков Иванович не пользовался уважением; он был циник и эгоист»³¹. Я. И. Сабуров был нередким гостем у соседей по своему тамбовскому имению — в Маре у Баратынских и в Любичах у Н. И. Кривцова, хотя и Баратынские и Кривцов относились к нему с не слишком большой симпатией — особенно последний. Когда П. А. Вяземский, которого Сабуров совершенно беззастенчиво обременял всякого рода просьбами, в том числе и просьбой способствовать публикации его очерков и мемуаров³², передал Кривцову на отзыв предназначенный для «Современника» текст воспоминаний Я. И. Сабурова о Пушкине, Кривцов подверг их совершенно уничтожающей критике. В качестве друга и подписчика «Современника» автор рецензии протестовал против публикации на страницах журнала «абсурдной галиматии» Сабурова — «хотя бы из уважения к памяти Пушкина». Обращаясь к Вяземскому, Н. И. Кривцов писал: «Сабуров и меня уполномочил сделать замечания на полях своего творенья. Но что я могу сказать? Это водянисто, выспренне, написано по-ученически, нет ни одной верной, свежей мысли или наблюдения. Если тебе ничего не остается — отошли это в редакцию «Московской газеты»... Бедная русская литература!»³³

Воспоминаниям Сабурова так и не суждено было увидеть свет (не дошла до нас и рукопись), но их автор, потерпев неудачу зафиксировать свою причастность к личной и творческой биографии Пушкина печатно, все-таки не отказался от мысли заявить о себе как о человеке, принадлежавшем к ближайшему окружению поэта: в 1850-е годы Сабуров приобрел известность как мемуарист-рассказчик.

Мы с известной долей уверенности предполагаем, что сообщаемыми им сведениями пользовались Е. И. Якушкин и Гербель, но прежде всего здесь следует назвать имя П. В. Анненкова. Анненкову Я. И. Сабуров рассказывал о своих однополчанах — Каверине, Молоствове, Чаадаеве и о серьезном влиянии последнего на Пушкина³⁴. Как выяснилось теперь, первому биографу поэта Сабуров сообщил не только факты из жизни Пушкина в его дружеском гусарском окружении лицейской поры и первых послелицейских лет, но и стихи, родившиеся в этом кругу, —

среди бумаг Анненкова отыскалась сделанная им копия «Молитвы лейб-гусарских офицеров» с восстанавливающей историю создания стихотворения сопроводительной записью, пометой «Стихи Пушкина, полученные от Сабурова» и датой «1817 г.»³⁵ Текст копии абсолютно соответствует публикации Гербеля (за тем лишь исключением, что Гербель зашифровал несколько имен упоминаемых лиц, которым были даны особенно обидные характеристики). Что же касается сопроводительной записи, то она более лаконична по сравнению с гербелевской; при этом очевидно, что и Анненков и Гербель пользовались одним и тем же источником.

Теперь вспомним тот записанный Бартевым текст, который выше был определен как комментарий к «Молитве лейб-гусарских офицеров». Вне всяких сомнений, человек, от которого Бартев записал комментарий к «Молитве...», был Я. И. Сабуров. Похоже, что тогда же Сабуров продиктовал Бартеву и текст «Нозля...» (и тот и другой записаны на одинаковых листочках писчей бумаги) и, возможно, текст «Молитвы...», копия которой (бартевская) не сохранилась. Косвенным подтверждением последнему предположению служит следующее обстоятельство. Мы допускаем, что Сабуров продиктовал Бартеву текст нозля и пояснения к нему; пояснения эти были весьма кратки, и Бартев записал их на полях. По той же схеме строился и рассказ Сабурова о «Молитве...» — был произнесен текст и соответствующие примечания; в этом случае примечаний оказалось много, и их пришлось расположить на отдельном листке³⁶. Любопытно, что те имена, которые так или иначе пояснены в «Нозле...» (Юшков, Крекшин), вообще не вошли в комментарий к «Молитве...». Не вошли в него и имена Каверина и Чаадаева; никак не охарактеризован Молоствов, хотя имя его в комментируемый список включено, — именно об этих лицах Сабуров подробно рассказывал Анненкову. Что это — случайное совпадение? Или, рассказывая Бартеву о персонажах «Молитвы...», Сабуров опустил имена тех, о ком рассказывал специально — и не только Анненкову, но и Бартеву? Можно предположить, что Сабуров обратился и к Анненкову, и к Бартеву приблизительно в одно и то же время (о том, что в начале 1850-х гг. и Анненков и Бартев работали над биографией Пушкина, в литературных кругах было хорошо известно) и каждому из них рассказал все, что помнил о Пушкине и его приятелях-гусарах, включая и посвященные последним неизвестные стихотворные тексты.

Можем ли мы считать Пушкина автором «Молитвы...»? Вероятно, можем — в такой же степени, как и автором «Нозля...» Что же касается аргументов Д. Ф. Кобеко, отрицавшего авторство Пушкина, то они, как мы попытаемся показать, отнюдь не безусловны. Главный довод Кобеко: Пушкин не мог быть автором «Молитвы...», поскольку ряд названных им в стихотворении лиц служили в лейб-гвардии Гусарском полку в 1818—1819 годах, когда поэт, окончив в 1817 г. Лицей, уже оставил Царское Село, где стоял полк, и жил в Петербурге, — абсолютно убеждает лишь в том, что «Молитва...» не могла быть написана в 1817 г., как показал Сабуров. Ошибка в дате — вещь совершенно естественная, тем более

что, по нашему предположению, мемуарист ошибся всего на два года — условно мы можем датировать «Молитву...» 1819 годом, что, заметим, вовсе не противоречит фактам пушкинской биографии этого времени: связи поэта с царскосельскими гусарами в 1818—1819 годах были столь же тесными, что и в последний год пребывания в Лицее. Если мы обратимся к относящемуся к 1818—1819 гг. дневнику корнета Гусарского полка В. Д. Олсуфьева, упомянутого в «Нозле...», то на его страницах найдем записи почти о всех персонажах «Молитвы...», и среди них не однажды встречающееся имя Пушкина. Заметки Олсуфьева весьма любопытны; они характеризуют ту группу военной молодежи, которая входила в петербургское окружение поэта 1817—1820-х годов; эта офицерская среда с ее особым социальным статусом и определенными им поведенческими нормами и составляет тот реально-бытовой контекст, вне которого невозможно рассматривать целый ряд стихов, относящихся к раннему петербургскому периоду в биографии Пушкина³⁷. Приводим некоторые из сделанных Олсуфьевым характерных бытовых зарисовок, в которых фигурируют интересующие нас персонажи:

5 февраля 1818 г. После обеда <...> пошел к Чаадаеву. Вечером искал везде Каверина, чтоб с ним ехать в маскарад и <...> не найдя нигде, поехал с Сабуровым. <...> Заходил в ложу к Стрекаловой, где видел Огареву, которая очень мила.

14 мая 1818 г. Ходил с Пушкиным, молодым стихотворцем, в Летнем саду. Обедал с Каверинным и Чаадаевым у Фельта. Оттуда поехали в театр. Пили чай у Чаадаева.

18 мая 1818 г. Вечером сидел у Чаадаева, у которого был Грибоедов.

19 мая 1818 г. Вечером гулял с Каверинным пешком, — потом пили у меня вдвоем чай.

21 мая 1818 г. Поутру в 10 часов отправился с генералом в Царское село. Дорогой имели очень дельный разговор. Он перед обедом смотрел лошадей Слатвинского, Юшкова, Унгерна эскадронов <...> После обеда <...> гулял в Саду с Слатвинским, с Кринициным, Молоствовым. Слушали музыку. Ужинал у Слатвинского.

3 января 1819 г. ...Заехал к Каверину и с ним поехал и театр. Давали «Эсфирь», и я в первый раз видел г-жу Колосову: она может быть хорошою актрисою и много обещает.

1 февраля 1819 г. В семь часов утра поехал в Царское Село, где с прочими офицерами ездил в манеже перед генералом, ибо на днях нас будет смотреть сам государь. Обедал со Слатвинским <...> и потом отправились обратно в Петербург. Дорогою Юшков совсем было убил, наехав сзади на мои сани <...> заехал к Каверину и к Васильчикову.

4 февраля 1819 г. Васильчиков приехал в Царское и смотрел нас в манеже; обедали у генерала, после обеда он уехал, а мы пошли к Слатвинскому, у коего были гости и пир горою. Играла музыка, за ужином пили здоровье вновь произведенных и нарежались. Молоствов был ужасно пьян.

28 марта 1819 г. Обедал у Чаадаева, где был Пушкин. Много говорили, он нам читал свои сочинения <...> Вечер просидел дома и читал.

3 мая 1819 г. Поутру был у генерала. По случаю дурной погоды ученье отменено; был в манеже, обедал у Кругликова, после обеда ездил с Зубовым в штаб. Ездил с Кругликовым верхом, у него пил чай и ужинал, говорили про весьма отвлеченные материи; он ужасный мистик, но человек с добрыми и хорошими правилами.

27 мая 1819 г. Ужинал у Каверина, где были Пушкин и Щербинин.

27 июня 1819 г. Обедал у Черткова, где были Чаадаев и Раевский. Много спорили с Бяратинским³⁸.

В приведенных выше записях В. Д. Олсуфьев фиксирует лишь свои петербургские встречи с Пушкиным. Однако почти наверняка их общение не ограничивалось прогулками и приятельскими обедами в столице: с осени 1818-го и до отъезда в южную ссылку Пушкин частый гость у царскосельских гусар. Обратимся к свидетельству биографа Пушкина и Дельвига В. П. Гаевского: «Первые годы по выпуске из Лицея <...> он <Дельвиг. — И. Ч.> очень часто ездил в Царское Село и нередко проводил там по несколько дней. Театры, балы и маскарады, оживлявшие в то время Царское Село, привлекали туда не одного Дельвига. Пушкин также ездил туда очень часто. У обоих поэтов там было множество приятелей: в Лицее оставалось еще несколько их младших товарищей; в гусарах гвардии служили двоюродные братья Дельвига Рахмановы и несколько бывших воспитанников царскосельского Благородного пансиона. Вообще в приятелях и знакомых недостатка не было. Кроме упомянутых лиц, Дельвиг был в приятельских отношениях с служившими тогда в Царском Селе офицерами гвардии: Пономаревыми, Левашовыми, Сабуровыми, Чернышевыми, Охотниковым, Воейковым, Болтинными...»³⁹

Репертуар имен, названных в приведенной выше «Молитве...», легко просматривается как в дневниковых записях современника и приятеля Пушкина В. Д. Олсуфьева, так и в посвященной Дельвигу статье биографа поэта Гаевского: Чаадаев, Каверин, Сабуров, Слатвинский, Юшков, Унгерн-Штернберг, Молоствов, Зубов, Чернышев-Кругликов, Бяратинский, Рахмановы. Всех их Пушкин хорошо знал — и тех, кто служил в полку в период пребывания поэта в Лицее, и тех, кто пришел туда позже — после 1818 г., как братья Рахмановы, Пашковы, В. П. Завадовский, и т.д.⁴⁰ Да и сам Я. И. Сабуров вступил в Гусарский полк только в 1818 г., так что весьма интенсивное общение с ним Пушкина — и в Петербурге, и в Царском Селе — относится к послелицейскому периоду — именно тогда-то и могла быть написана запомнившаяся Я. И. Сабурову «Молитва...»⁴¹

Противоречит ли предположению об авторстве Пушкина в отношении «Молитвы» еще один аргумент Д. Ф. Кобеко — его ссылка на письмо командующего гвардейским корпусом генерала И. В. Васильчикова начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому (написано предположительно не ранее лета 1820 г., поскольку обнаружено среди писем 1820—1821 гг.), где сообщалось, в частности, о «маленькой истории»,

случившейся у гвардейских гусар («Граф Завадовский... позволил себе написать эпиграммы на своих товарищей в одной из книг гаупт-вахты»⁴²)? Полагаем, прежде всего, что ничего определенного на этот счет нельзя сказать до тех пор, пока не будет установлена точная дата письма⁴³. Но даже если Д. Ф. Кобеко прав и приведенное им письмо было написано после второй половины 1820 г., то и в таком случае оно не свидетельствует безоговорочно в пользу позднейшего, одновременного с письмом Васильчикова, происхождения «Молитвы...». О чем пишет Васильчиков? Он сообщает о том, что Завадовский *записал стихи в книге полковой гауптвахты*. Но ведь Завадовский мог их записать и через какое-то время после того, как стихи были сочинены⁴⁴, записать то, что ранее, возможно, явилось импровизацией; в памяти же Я. И. Сабурова эти два момента, разделенные хронологически, соединились, и скандальная история с «Молитвой...» дошла до нас в том виде, в каком мемуарист ее запомнил⁴⁵.

Нам нетрудно представить себе Пушкина в качестве автора «Молитвы...»⁴⁶: идея создания стихотворной галереи карикатурных портретов, как и в случае с «Нозлем...», восходит к вряд ли забытой недавним лицеистом традиции «национальных песен», создававшихся для узкого круга и только в этом кругу и интересных⁴⁷. (Дельвиг мыслит на досуге/Можно спать и в Кременчуге./Не тужи, любезный Пушин,/Будешь в гвардию ты пущен./Просвещеньем Маслов светит,/В титулярство Маслов метит, и т.д.⁴⁸). Авторы такого рода шуточных импровизаций для достижения необходимого сатирического эффекта нередко проявляли завидную изобретательность, граничившую иногда с озорством: одна из известных лицейских песен («Блажен муж, иже сидит к кафедре ближе»), например, построена на пародировании псалма 1-го «Псалтыри»: «Блажен муж, который...» Пушкин дал свой вариант пародии (двустипшие), который приводит в своих «Записках» Пушин: «Блажен муж, иже/Сидит к каше ближе»⁴⁹.

«Молитва лейб-гусарских офицеров» — это ведь тоже пародирование текста «Псалтыри» — на этот раз 139-го псалма: «Избавь меня, Господи, от человека злого...»

В настоящей работе мы не ставили цели убедить в безусловной принадлежности «Молитвы лейб-гусарских офицеров» Пушкину — речь идет лишь о степени вероятности. Проследив историю выявления текста, его публикаций и изучения, мы посчитали полезным обратить внимание на то, что те факты, которыми мы располагаем, позволяют предполагать в Пушкине автора гусарской «Молитвы...». Такая гипотеза, как нам представляется, имеет определенные резоны — и не менее значительные, чем те, на основании которых «Нозль...» считается пушкинским стихотворением. В последнем случае мы поверили Якову Сабурову; не следует ли прислушаться и к его свидетельству относительно «Молитвы...» (тем более что контраргументы, как оказывается, далеко не безусловны) и пополнить этим стихотворением рубрику «Dubia» в новых изданиях сочинений Пушкина?

- 1 *Виралайнен М.* Лицейское творчество Пушкина. — В кн.: *Пушкин А. С.* Лицейская лирика. СПб.: «Художественная литература», 1993. С. 18—19.
- 2 *Гаевский В. П.* О влиянии Лицея на творчество Пушкина. — В кн.: В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина. СПб., 1887. С. 46.
- 3 *Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 1. [Л.:] Изд. АН СССР, 1937. С. 304—305.
- 4 См. об этом: «Известия ЦИК'а СССР и ВЦИК'а РСФСР». 1929. № 279. 29 ноября.
- 5 См.: *Щербачев Ю. Н.* Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М.: Изд. имп. общества Истории и древностей российских при Московском университете, 1913. С. 60.
- 6 Об источниках текста «Ноэля...» см.: *Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 492.
- 7 См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1. М.; Л.: «Academia», 1936. С. 785.
- 8 Копия Бутенева ныне хранится в фонде Бартенева, находящемся в РГАЛИ (ф. 46, оп. 1; № 572, л. 300—301); список Бартенева оказался среди бумаг М. А. Цявловского, хранящихся в РГАЛИ в составе личного фонда ученого (ф. 2558). Там же находится неопубликованная статья Цявловского о «Ноэле...» и ряд подготовительных материалов к ней (ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 72), в том числе и описания копий «Ноэля...», которые мы приводим ниже.
- 9 РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 1794, л. 1. Впервые этот текст был опубликован: «Известия ЦИК'а СССР и ВЦИК'а РСФСР», 1929, № 279, 29 ноября. Вошел в издание: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1. М.; Л.: ГИЗ, 1930 (приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год).
- 10 РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 71. Исправляем неточность в сообщении Бутенева: В. В. Ильин служил в полку с 1821 по 1831 год; тремя годами ранее в полк был зачислен его брат — Д. В. Ильин (Ильин 1-й, служил с 1818-го по 1823 год). Одна из дочерей В. В. Ильина, отставного генерала и военного историка (печатался главным образом в «Русском архиве»), была замужем за Бутеневым, который и записал рассказ своего тестя (о В. В. Ильине см.: *Шереметев С. Д.* Домашняя старина. М., 1900. С. 64—65).
- 11 См.: РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 72, л. 15.
- 12 «Русский архив». 1900. Кн. III. С. 205.
- 13 *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.: «Книга», 1990. С. 333.
- 14 Пари, условия которого устанавливает выигравший (*франц.*).
- 15 Воспоминания Д. Никифорова. «Москва в царствование императора Александра II». М., 1904. С. 36—37.
- 16 Своеобразное подтверждение этому мы обнаружили в статье Р. Б. Паиной «К вопросу об атеизме А. С. Пушкина» (статья, заметим, весьма спорной), где текст «Ноэля...» цитируется не по академическому изданию сочинений Пушкина, но по первой публикации, источником которой послужил бартеневский список (см.: Ученые записки Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Серия филологическая. Вып. 39. Минск, 1958. С. 44). Мы считаем целесообразным каждый из источников «Ноэля...» печатать отдельно как самостоятельный текст под номерами 1 и 2; единственное вмешательство, которое можно было бы при этом позволить, — это графическое выделение стихов, относящихся к той или иной строфе.

- 17 См., например, воспоминания А. В. Кочубея, с 1814 г. ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка: «Надо правду сказать, что Левашов, кроме того, что был весьма неприятный начальник, был пренесносный человек; он сохранил старые замашки фанфаронства, которыми отличался при Александре Павловиче весь Кавалергардский полк, где он прежде служил. <...> Офицеры вообще не любили его за его пороки и в особенности за чванство: когда дежурные приходили с рапортом, то он всегда заставлял их ждать очень долго в гостиной» (Семейная хроника. Записки А. В. Кочубея. 1790—1873. СПб., 1890. С. 143, 145).
- 18 Такого мнения придерживался редактор Полного собрания сочинений Пушкина в 10-ти томах Б. В. Томашевский, поместивший «Ноэль на лейб-гусарский полк» в раздел «Коллективные стихотворения».
- 19 Карандашом: по «Кн.» написано «Гр.», слова «Путеш. в Индию, скромный» зачеркнуты и написано: «женат ехидной».
- 20 Начиная с «14 дек.» написано карандашом.
- 21 Бедняга (франц.).
- 22 Начиная с этого слова до конца написано карандашом.
- 23 Эта бартеневская копия комментария к «Молитве...», так же как и изготовленный Бартеневым список «Ноэля...», находились в личном фонде М. А. Цявловского. Исследователь собирал материал для посвященной «Молитве лейб-гусарских офицеров» статьи «Из разысканий в области стихотворений, приписывавшихся Пушкину». Им был выявлен и описан публикуемый нами документ (см.: РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 71, 72).
- 24 Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 7—8.
- 25 «Библиографические записки». 1858. № 11. Стлб. 337.
- 26 Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. 228—229.
- 27 «Современник». 1863. Т. ХСVII, № 8, отд. I. С. 392—393. В 1887 г. Гаевский в своей речи «О влиянии Лицея на творчество Пушкина» подтвердил, что «Молитва...» принадлежит к числу пушкинских стихов: «...в известной *Молитве лейб-гусарских офицеров* Пушкин не особенно лестно отзывается об их большинстве» (В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина. СПб., 1887. С. 46).
- 28 *Пушкин*. (Библиотека великих писателей./ Под ред. С. А. Венгерова). Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. С. 445. Позднее Лернер изменил свое мнение: «В примечании к «Молитве лейб-гусарских офицеров», помещенном во II томе издаваемого С. А. Венгерова собрания сочинений Пушкина, стр. 531—532, пишущий эти строки выразил сомнение в принадлежности этих стихов перу Пушкина. Мое примечание вызвало любезное сообщение Ю. Н. Щербачева, владеющего некоторыми бумагами П. П. Каверина, что в сохранившейся до наших дней тетради Каверина, относящейся к двадцатым годам, известным стихам Пушкина: «Забудь, любезный мой Каверин...» предпослана записка Каверина, что стихи эти были ему присланы Пушкиным через несколько дней после написания «Молитвы...» («Русская старина». 1909. № 4. С. 192). Заметим, что ссылка на свидетельство Щербачева не может служить аргументом в пользу авторства Пушкина: в записке Каверина речь шла о «Ноэле на лейб-гусарский полк», который Щербачев ошибочно отождествил с «Молитвой...» (см.: *Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина* М. А. Щербинин и П. П. Каверин. С. 81).

- 29 Так считал и Н. О. Лернер. См.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. — В кн.: Звенья. 5. М.; Л.: «Academia», 1935. С. 100.
- 30 Эта часть упомянутой выше рецензии (опубликована в «Библиографических записках». 1858. № 11) принадлежит Е. И. Якушкину.
- 31 ОР РГБ, ф. 261, к. 21, ед. хр. 1, л. 46, 47.
- 32 См. письма Я. И. Сабурова к П. А. Вяземскому. — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2708.
- 33 Там же, л. 4 об.—5 об.
- 34 Записи Анненкова, сделанные со слов Сабурова, известны по публикации Б. Л. Модзалевского. См.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. [Л.]: «Прибой», 1929. С. 336—337.
- 35 В настоящее время хранится среди бумаг Цявловского в РГАЛИ (ф. 2558, оп. 2, № 71).
- 36 Обращает на себя внимание идентичный характер записей примечаний — и к «Нозло...», и к «Молитве...» — очевидно, что они сделаны под диктовку, второпях — с сокращениями слов, местами неразборчивым почерком.
- 37 Дневник В. Д. Олсуфьева не опубликован, за исключением записей о встречах автора с Пушкиным (см.: Пушкин и его современники. Вып. XXXVIII—XXXIX. Л., 1930. С. 216—218). Сын В. Д. Олсуфьева, А. В. Олсуфьев, располагал рядом ценнейших документов из архива отца. В ноябре 1910 г. он писал П. И. Бартеневу: «Благодарю Вас за Ваши добрые слова, относящиеся к памяти моего отца. Я ограничиваюсь собиранием материалов для его биографии, которые передаю его внуку Юрию <...> Этих материалов у племянника собралось довольно, на днях послал ему неизданное стихотворение Пушкина, которое вместе с выпискою из записок Каверина, также до сей поры не изданных, в которых оно сохранилось, доказывает о близких отношениях Пушкина с отцом, следов которых я до сих пор тщетно искал в бумагах Василия Дмитриевича; полагаю, что они были, но что будущий осторожный царедворец их после 14 декабря уничтожил со многими другими бумагами, относящимися до этого времени, на которое до самой смерти злобою кипел Николай Павлович» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 344, л. 13—14 об.).
- 38 Государственный архив Российской Федерации, ф. 1019, оп. 1, № 528.
- 39 «Современнику». 1853. Т. XXXIX. № 5, отд. III. С. 6.
- 40 За более подробными сведениями отсылаем к изданию: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. Л.: «Наука», 1988.
- 41 В одном из примечаний к «Молитве...» (см. выше) Я. И. Сабуров, скорее всего сознательно, допустил одну неточность. Рядом со строкой «Сабурова дружбь» он пометил «Яков Васильевич Сабуров», хотя в этой весьма нелестной по отношению к упомянутому лицу строке речь шла, конечно же, о нем самом — вспомним хотя бы пушкинские стихи «Сабуров, ты оклеветал...» (об отношениях же Пушкина с Я. В. Сабуровым известно лишь, что последний навещал поэта в Лицее в день его рождения 26 мая 1817 г.).
- 42 «Русский архив». 1875. Кн. III. С. 406.
- 43 М. А. Цявловский допускал, что это письмо могло быть написано в 1818—1819 гг. и в пачку писем 1820—1821 г. попало случайно: «Почти весь 1818 год — за исключением июня, июля и августа, а затем в 1819 году с 23 июля до первых чисел октября Александр I с П. М. Волконским были в разъездах, и, значит, в это время Васильчиков мог написать интересующее нас письмо» (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 72, л. 21).

- 44 О более раннем времени создания «Молитвы...» косвенным образом свидетельствует тот факт, что в стихотворении не фигурирует ни один из офицеров, вступивших в Гусарский полк после 1819 г., а многие из названных там лиц к 1820 г. из полка уже вышли.
- 45 Она дошла до нас и с заведомо неверной датой — 1817 г.; в отношении датировки Я. И. Сабуров, видимо, отождествил «Молитву...» с «Нозлем...», что делалось достаточно часто. Ср., например, упомянутое нами выше свидетельство Ю. Н. Щербачева.
- 46 Цявловский решительно отрицал такую возможность, считая автором «Молитвы...» Завадовского (исключительно на основании сообщения Васильчикова о том, что Завадовский записал стихи в книгу полковой гауптвахты).
- 47 Полагаем в этой связи излишне категоричным суждение М. А. Цявловского: «Что же общего у «Молитвы...» с «Нозлем...»? Абсолютно ничего!» (РГАЛИ, ф. 2558, № 71).
- 48 *Прот К. Я.* Пушкинский Лицей (1811—1817). СПб., 1911. С. 229.
- 49 *Пуцин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М.: «Правда», 1989. С. 47.

НОВЫЕ БЕЗДЕЛКИ

Сборник статей к 60-летию

В.Э. Вацуро

Москва

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1995 — 1996